

теризуется как наглый, самонадеянный захватчик, жестокий и хитрый, но и трусливый, легко поддающийся панике, проливающий слезы над своей разбитой армией. На великодушные поступки он неспособен, оценить честно героизм и мужество русских людей он не может.

Есть вместе с тем песня, в которой характеристика вражеского царя сходна с той, которая дана в рассказе о Евпатии. Очень важно отметить при этом, что песня эта, вполне вероятно, также связана с темой нашествия Батя. Речь идет об известном сюжете, обычно называемом „Авдотья Рязаночка“. В ней, по известным поздним записям, действует „Бахмет турецкий“, которому даны эпитеты „славный старый король“. Жестокость его, беспощадность, сила разрушений, произведенных им, нисколько не смягчаются. Но подобно тому как подвиг Евпатия тронул даже Батя, так и иного рода подвижничество „молодой женки“ Авдотьи Рязаночки заставило Бахмета преклониться перед ее умом и мужеством и ответить ей великодушным поступком. Авдотья преодолела тягчайшие преграды на пути в „землю турецкую“, сумела „с королем речь говорить“, сумела „просить у короля полону“, даже возбудила у Бахмета воспоминание об убитом брате, — в результате Бахмет разрешил ей увести с собой „народ свой полоненный“ и взять золотой казны „сколько надобно“.

Песня об Авдотье Рязаночке удивительно перекликается с предполагаемой песней о Евпатии, — и не столько в сюжетном отношении (здесь есть лишь небольшие аналогии), сколько в общем идейном плане. Эта перекличка не случайна.

Что касается частного вопроса — о характеристике вражеского царя, то приведенная аналогия ясно говорит о возможности существования в народной поэзии XIII века такой характеристики. В чем ее идейный смысл? Разумеется, народная песня вовсе не думала смягчать всей страшной, античеловеческой сущности Батя. Она говорила правду о его жестоких делах. Песня хотела сказать другое: беззаветный патриотизм, стойкость и самоотверженность, храбрость и воинская удаль простых русских людей — защитников родной земли были так велики, проявлялись с такой силой и красотой, что перед ними не могли не преклониться на какой-то момент даже враги — люди без души и чести. Именно таков смысл соответствующих эпизодов песен о Евпатии и об Авдотье Рязаночке. Здесь очевиден иной подход к теме, иная эмоциональная направленность, иная художественная манера, чем в былинах. Такого рода изображение врага не закрепилось в народнопоэтической традиции. В народной поэзии, в частности исторической, полностью восторжествовал принцип беспощадного художественного разоблачения захватчика, последовательно отрицательного отношения к нему. В известных нам исторических песнях, начиная с „Щелкана“, вражеский царь, король или его ставленники окружены ничем не смягчаемыми ненавистью, презрением, насмешкой. Таковы песенные образы турецких султанов и пашей, шведских и прусских королей, Наполеона, Шамиля и т. д.

* * *

Теперь можно сгруппировать все те эпизоды, образы и стилистические места рассказа о Евпатии Коловрате, которые, несомненно или вероятнее всего, отсутствовали в песне и внесены автором „Повести“. При этом необходимо отметить, что, перерабатывая, дополняя и изменяя песню о Евпатии, неизвестный автор „Повести“ использовал как книжные, так и народнопоэтические традиции. Возможно, что наряду